

МАХАБХАРАТА
РАМАЯНА

МАХАБХАРАТА

РАМАЯНА

2017
МОСКВА

УДК 82'3
ББК 84(0)3
М 36

Перевод с санскрита
Вступительная статья *П. Гринцера*
Примечания *А. Ибрагимова, Вл. Быкова, Б. Захарьина*

Печатается по изд.:
Махабхарата. Рамаяна М.:
Художественная литература, 1974 с незначительными изменениями

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

М 36 **Махабхарата. Рамаяна** / ; [пер. С. И. Липкина, В. А. Потаповой]. — М. : Издательство «Э», 2017. — 736 с. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-63161-2

«Махабхарата» («Великое сказание о потомках Бхараты») — одно из крупнейших литературных произведений в мире, объединяет эпические повествования, новеллы, басни, притчи, легенды, рассуждения, мифы, гимны, состоит из восемнадцати книг и содержит более 75 000 двустийший, что в несколько раз длиннее «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых. «Махабхарата» — источник многих сюжетов и образов, получивших развитие в литературе народов Южной и Юго-Восточной Азии.

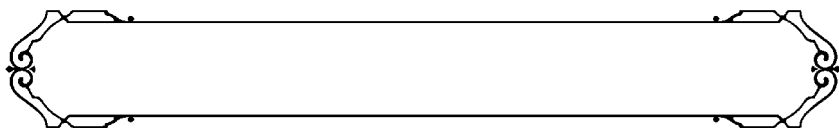
«Рамаяна» («Путешествие Рамы») — древнеиндийский эпос, автором которого принято считать легендарного мудреца Валмики, — один из важнейших священных текстов индуизма. Образы «Рамаяны» вдохновляли множество индийских писателей и мыслителей: от Калидасы до Махатмы Ганди.

Великий Эпос повлиял на литературу, изобразительное, театральное и танцевальное искусство и стал неотъемлемой частью культуры не только Индии, но и всего мира.

УДК 82'3
ББК 84(0)3

© С. Липкин, перевод на русский язык. Наследники, 2017
© В. Потапова, перевод на русский язык. Наследники, 2017
© П. Гринцер, вступительная статья. Наследники, 2017
© А. Ибрагимов, примечания, словарь. Наследники, 2017
© Вл. Быков, примечания. Наследники, 2017
© Б. Захарьин, перевод, примечания, словарь, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-63161-2

ВЕЛИКИЙ ЭПОС ИНДИИ

Известны слова Гете, сказанные им в начале позапрошлого века: «Сейчас мы вступаем в эпоху мировой литературы». Гете имел при этом в виду процесс сближения и даже частичного синтеза западной и восточной литературных традиций, у истоков которого стоял он сам и который, неуклонно расширяясь и углубляясь, продолжается в наши дни. Но слова его в первую очередь были связаны с тем знаменательным в истории литературы фактом, что на рубеже XVIII и XIX веков европейскому читателю стали впервые доступны в переводах многие замечательные произведения восточной классики. Среди них были и древнеиндийские эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», которые у нас в стране, по мере того как растет — особенно за последние два десятилетия — число переложений и переводов из них на русский язык, завоевывают все большую известность и признание. Чтобы литературное произведение пробудило читательский интерес, оно должно обладать двумя на первый взгляд противоположными, но на самом деле дополняющими друг друга качествами: заключать

в себе что-то так или иначе знакомое и вместе с тем открывать нечто доселе неизвестное. Если мы не находим в нем ничего нового, необычного, если оно только «повторяет пройденное», то неизбежно покажется нам тривиальным и потому скучным. Если же, с другой стороны, оно никак не соотносится с нашим предшествующим литературным, да и просто человеческим опытом, то психологически и эстетически остается нам чуждым, какими бы объективными достоинствами оно ни обладало. Ввиду этого не случайно, что именно сейчас «Махабхарата» и «Рамаяна» полноправно входят в круг нашего чтения, став для нас словно бы знакомыми незнакомцами. Обе поэмы были созданы около двух тысячелетий тому назад, на санскрите — языке давно уже мертвом, в лоне культуры, отошедшей в далекое прошлое, и, казалось бы, разрыв между нами и тем читателем, кому они предназначались, слишком велик. Таковым он и был долгое время, проявляя себя то в снисходительной трактовке Индии как страны примитивной и полуварварской, то в не менее распространенном, но столь же отстраненном восхищении ее мистической, якобы непостижимой для нас мудростью. Однако в наши дни ситуация резко меняется, Индия перестает быть загадочной страной «чудес и тайн». Мы гораздо лучше узнали Индию современную, а через нее и Индию древнюю. Мы оказались свидетелями крупнейших исторических и археологических открытий в Азии, обогатили свой кругозор памятниками индийской философской и литературной классики, и все это заметно сократило дистанцию между нами и древней цивилизацией Индии, сделало ее для нас понятней и доступней.

В большей или меньшей степени те же изменения происходят в нашем восприятии других стран Востока. Можно сказать, что если в эпоху Возрождения европейцы почувствовали себя наследниками и восприемниками греко-римской античности, то

теперь интегральной частью нашей культуры становится духовное наследие уже не только западного, но и восточного континента. Тем самым мировая литература из понятия в известной мере умозрительного и условного превращается в явление естественное и реальное, и среди наиболее выдающихся памятников мировой литературы по праву занимают место «Махабхарата» и «Рамаяна».

Мы только что назвали «Махабхарату» и «Рамаяну» знакомыми незнакомцами, поскольку даже при первом чтении они предстают перед нами на фоне наших постоянно расширяющихся знаний о древнеиндийской истории и культуре. Но для такого названия есть еще одно основание. Обе поэмы относятся к жанру героического эпоса, хорошо знакомому нам по литературам многих народов (прежде всего по его классическим греческим образцам — «Илиаде» и «Одиссее» Гомера), и разделяют с другими эпосами коренные особенности этого жанра.

Подобно большинству произведений героического эпоса, «Махабхарата» и «Рамаяна» опираются на исторические предания и сохраняют в своем содержании память о действительно происшедших событиях. Понятие «историчности» в первую очередь приложимо к «Махабхарате», которая часто именуется себя *«итихасой»* (буквально: «так было на самом деле») или *«пураной»* («повествование о древности») и рассказывает о междоусобной войне в племени бхаратов, которая, по мнению историков, происходила на рубеже II—I тыс. до н. э. Менее ясна историческая основа «Рамаяны». Но и здесь специалисты полагают, что поход Рамы на остров Ланку (видимо, современный Цейлон) в поисках жены, похищенной владыкой демонов-ракшасов, в фантастически преломленном виде отражает борьбу завоевателей Индии — индоевропейских племен ариев с аборигенами индийского юга и что события, составившие исторический фон поэмы, следует отнести приблизительно к XIV—XII векам до н. э.

По аналогии с другими национальными эпосами эпоха, вызвавшая к жизни сказания «Махабхараты» и «Рамаяны», получила в научной литературе особое именование — «героический век». Однако между героическим веком и воспевающей его эпической поэзией пролегает обычно немало времени. Так было в Греции, где события Троянской войны относятся, видимо, к XIII веку до н. э., а посвященные ей гомеровские поэмы были созданы четырьмя-пятью столетиями позже; так было с эпосом германских народов, эпическое время которого приходится на IV—VI века, а время литературной фиксации на XII—XIV века; так было и в Индии. Во всяком случае, первые упоминания об эпосе о бхаратах в индийской литературе засвидетельствованы не ранее IV века до н. э., а окончательно, в том виде, в каком она до нас дошла, «Махабхарата» сложилась к III—IV векам н. э. Приблизительно в тот же период — протяженностью в пять-шесть веков — происходит и формирование «Рамаяны». Если принять во внимание этот явно ретроспективный характер индийской эпической поэзии, то становится ясным, почему она доносит от прошлого, которое стремится запечатлеть, лишь весьма искаженное эхо и к тому же причудливо сплавляет его с историческими реминисценциями последующих веков.

Так, хотя санскритский эпос рассказывает о древнейших племенах эпохи расселения ариев в Индии: бхаратах, куру, панчалах и других, он в то же время знает греков, римлян, сарматов, тохарцев, китайцев, то есть такие народы, которые стали известны индийцам лишь на рубеже нашей эры. В содержании «Махабхараты» и «Рамаяны» отчетливо ощутимы черты первобытного строя и племенной демократии, описываются родовые распри и войны из-за скота, а с другой стороны, им знакомы могучие империи, стремившиеся к господству надо всей Индией (например, империя Магадхи во второй половине I тыс.

до н. э.), а социальный фон эпоса составляет сравнительно поздняя система четырех *варн*: *брахманов* — священнослужителей, *кшатриев* — воинов, *вайшьев* — торговцев, ремесленников и земледельцев и *шудр* — наемных работников и рабов. Столица героев «Махабхараты» Хастинапура, так же как столица Рамы Айодхья, изображены в поэмах густонаселенными, хорошо благоустроенными городами, которые украшены многочисленными дворцами и величественными зданиями, укреплены глубокими рвами и крепостными стенами. Между тем, как показали недавние раскопки на месте древней Хастинапуры, в начале I тыс. до н. э. она представляла собою простое скопление хижин всего лишь с несколькими кирпичными домами. Дидактические разделы санскритского эпоса в целом отражают юридические и социальные нормы индийского средневековья, но одновременно «Махабхарата» и «Рамаяна» многократно касаются обычаев, уходящих корнями в глубокую древность и опирающихся на первобытные представления о морали. Только в переведенных в этой книге отрывках читатель прочтет о брачных состязаниях при замужестве Драупади и Ситы, о *сва-ямваре* (выборе жениха невестой) Савитри, о левирате — браке с женами умершего брата, об уводе невесты силой, о полнандрии — женитьбе пяти пандавов на Драупади и т. п.

Наконец, в непрерывном развитии — от архаических верований до воззрений классической поры — представляет нам эпос идеологические и религиозные учения Индии. В одних разделах эпоса главную роль играют старые ведические (по названию древнейших памятников индийской словесности — *вед*) боги, из числа которых Индра, Вайю, Ашвины и Сурья становятся божественными отцами героев «Махабхараты» пандавов и их сводного брата Карны. В других разделах — ведические божества оттесняются на второй план и преобладающее значение получает индуистская верховная триада богов: Брахма, Вишну и

Шива. Особенно примечательна в поэмах роль Вишну: в «Махабхарате» он выступает в своей земной ипостаси Кришны, а в «Рамаяне» — Рама. Есть основания думать, что в ранних слоях эпоса и Кришна и Рама были еще лишены божественного ореола. Но в текстах, до нас дошедших, оба они — два главных воплощения бога-спасителя, явившегося на землю ради торжества справедливости, и Вишну уже не просто бог, а «высшее бытие», «высочайший бог», «начало и конец мира». Это изменение непосредственно связано с распространением в Индии в начале нашей эры вишнуизма и культов Вишну-Кришны и Вишну-Рама. А вместе с новыми религиозными идеалами в эпос проникли и новые философские доктрины (например, *кармы* — предопределения жизни каждого существа его деяниями в былых рожденьях, *дхармы* — высшего нравственного закона, *мокши* — освобождения от уз бытия), сыгравшие большую роль в моральном учении эпоса.

Казалось бы, сочетание различных исторических слоев в пределах одного памятника должно было привести к его внутреннему распаду; казалось бы, сказания и мифы героического века так или иначе обнаружат свою несовместимость с художественными формами куда более поздней эпохи. Однако этого не произошло с «Махабхаратой» и «Рамаяной» потому, что они, подобно большинству других эпосов, представляют собой по происхождению памятники устной поэзии. Эпос не принадлежит одному времени, но является достоянием многих сменяющих друг друга поколений. Веками складывались «Махабхарата» и «Рамаяна» в устной традиции, и непрерывность этой традиции, органичность и постепенность происходящих в ней изменений обеспечивали художественное и концептуальное единство поэм на каждом этапе их формирования, вплоть до той поры, когда они были записаны.

Об устном своем происхождении оба эпоса свидетельствуют сами. «Рамаяна» сообщает, что ее сказания передавались из уст в уста, пелись в сопровождении лютни и что первыми ее исполнителями были сыновья Рамы — Куша и Лава. «Махабхарата», в свою очередь, упоминает имена нескольких своих рассказчиков, причем один из них, Уграшравас, говорит, что искусство сказа он перенял, как это и принято в эпической традиции разных народов, у своего отца Ломахаршаны. Будучи памятниками устной поэзии, «Махабхарата» и «Рамаяна» долгое время не знали фиксированного текста. Лишь на поздней стадии устного бытования, в первых веках нашей эры, когда поэмы достигли колоссального размера: «Махабхарата» — около 100 000 двустипий, или *шлок*, а «Рамаяна» — около 24 000 шлок, — они были записаны. Но и после этого они дошли до нас в десятках отличающихся друг от друга рукописей и редакций, поскольку, возможно, вначале были сделаны не одна, а несколько записей, да и записаны были версии разных сказителей.

Древнеиндийский эпос называет также несколько групп профессиональных певцов, которые исполняли эпические и пагирические поэмы. Среди этих групп выделяются так называемые *суты* и *кушилавы*, в обязанности которых, по-видимому, входило исполнение «Махабхараты» и «Рамаяны». Каждый из певцов эпоса выступал и как наследник сложившейся традиции, и как ее творец-импровизатор. Певец никогда не следовал за своими предшественниками дословно, он сочетал и дополнял традиционные элементы путем и способами, подсказанными ему собственными возможностями и конкретной ситуацией исполнения, но в целом он должен был быть верным традиции, а его рассказ оставаться для слушателей все тем же знакомым им рассказом. Поэтому, хотя в Индии, как и в любой другой стране, создателями эпической поэзии было множество различных ска-

зителей, живших в разных местах и в разное время, она может казаться творением одного поэта. И не случайно, что, когда на поздней стадии формирования эпоса в Индии возобладали новые представления о литературном творчестве, «Махабхарата» и «Рамаяна» были приписаны двум определенным авторам — соответственно Вьясе и Вальмики. Вполне возможно, что тот и другой не были мифическими личностями, но не были они и авторами в современном смысле этого слова, а лишь наиболее выдающимися и потому наиболее запомнившимися фигурами в длинной череде сказителей, передававших поэмы из уст в уста, из поколения в поколение.

Устное происхождение наложило неизгладимый след на внешний облик «Махабхараты» и «Рамаяны». Для успешного и непрерывного исполнения эпоса (тем более такого размера, как древнеиндийский) сказитель должен в совершенстве владеть техникой устного творчества и, в частности, традиционным устным эпическим стилем. Язык «Махабхараты» и «Рамаяны» в этой связи чрезвычайно насыщен устойчивыми словосочетаниями, постоянными эпитетами и сравнениями, всякого рода «общими местами», которые в специальных исследованиях обычно именуется эпическими формулами. Эпический певец хранил в памяти большое число таких формул, умел конструировать новые по хорошо известным моделям и широко пользовался ими, исходя из потребностей метра и в соответствии с контекстом. Поэтому неудивительно, что большинство формул не только постоянно встречается в каждой поэме, но и совпадает в текстах «Махабхараты» и «Рамаяны».

В свою очередь, формулы санскритского эпоса группируются в своеобразные тематические блоки, вообще характерные для эпической поэзии. Такие идентично построенные и стилистически однотипные сцены, как божественные и царские советы, приемы гостей, уход героев в лес и их лесные приключе-

чения, воинские поединки и аскетические подвиги, описания вооружения героев, походов армии, пророческих снов, зловещих предзнаменований, картин природы и т. п. — повторяются с заметной регулярностью, и эпический рассказ движется от темы к теме словно бы по заранее расставленным вехам. Та или иная тема может быть разработана в нескольких вариантах, полно или кратко, но в целом сохраняет определенную последовательность сюжетных элементов и более или менее стандартный набор формул.

Так, многочисленные воинские поединки эпоса начинаются обычно с похвальбы воинов и поношения ими друг друга, затем противники поочередно применяют оружие все возрастающей мощи, герой бывает ранен или терпит временное поражение, но в конце наносит решающий удар, повергающий врага наземь или обращающий его в бегство.

Рассказывается, что «между двумя воинами началась битва, яростная, заставляющая подняться волоски на теле», что битва эта была «подобна битве бога и демона» или «Индры и Вритры», что каждый воин был «в сражении равен царю богов» или «Яме, разрушителю времени». Герой нападает на противника, «словно разъяренный слон на другого слона» или «лев на мелкую тварь»; он «мечет ливни стрел», дротики, «похожие на ядовитых змей», «рассекает надвое его лук», «сбивает с колесницы его возничего». Но «тот, хотя лук его рассечен», а «лошади и возничий убиты», «быстро сойдя с колесницы», «бросается стремительно вперед», «издавая львиный рык», и, «схватив другой лук», «пускает острые стрелы», «с золотым оперением, отточенные на камне». Раненый этими стрелами герой, тем не менее, проявляет «удивительное мужество», он «стоит недвижим, словно скала», а затем, «охваченный жаждой убить» своего врага, швыряет в него копьё, «разящее, словно перун Индры», и, «пробив его панцирь», отправляет его «в обитель бога смерти». Когда «тот пал на землю»,

среди воинов «раздается громкий вопль: «ах! ах!» — и вражеское войско охвачено смятением, «словно коровы, оставшиеся без пастуха».

Несмотря на частные вариации, приблизительно по такой схеме описывается множество эпических поединков; и хотя своим единообразием подобные описания обязаны нормам устного творчества с его «принудительным» арсеналом тем и формул, это единообразие создает и известный эстетический эффект: в значительной мере лишённые индивидуальных характеристик, поединки сливаются в восприятии читателя в обобщенный образ великой эпической битвы.

Специфической чертой композиции древнеиндийского эпоса — и в первую очередь «Махабхараты» — являются также всевозможные вставные истории, иногда как-то связанные с его содержанием (ср. «Сказание о Сатьявати и Шантану», «Бхагавадгиту»), а иногда и вовсе не имеющие к нему отношения (легенды о Кадру, о Винате, о похищении *амриты*, об Астике и великом жертвоприношении змей и т. д.). Вставные истории могут быть популярными мифами и героическими сказаниями, баснями, притчами и даже гимнами (например, гимн Ашвинам), дидактическими наставлениями и философскими диалогами. Некоторые из них немногословны, а некоторые заключают в себе много сотен стихов и выглядят как поэмы в поэме, причем сами по себе могут считаться шедеврами мировой литературы («Сказание о Нале» или «Сказание о Савитри»). Обилие вставных историй также проистекает из самой сущности эпической поэзии, создаваемой многими сказителями, каждый из которых вправе вводить в поэму отрывки из собственного исполнительского репертуара. И хотя певцы «Махабхараты» пользовались этим правом с особенной широтой (вставные эпизоды занимают в ней не менее двух третей объема текста), в принципе тот же метод характеризует композицию вавилонского «Гильгаме-

ша», гомеровской «Илиады», англосаксонского «Беовульфа» или киргизского «Манаса».

Сходство «Махабхараты» и «Рамаяны» с иными эпосами мировой литературы не ограничивается, однако, только особенностями их генезиса, стилистики и композиции. Сходство это распространяется на некоторые определяющие черты их содержания.

Мы уже говорили о связи героического эпоса с героическим веком, его обычаями и представлениями. Отсюда свойственная эпической поэзии героизация прошлого, которая проявляется в том, что в центре эпоса оказываются идеализированная фигура легендарного богатыря и рассказ о великой битве между героями и их антагонистами.

В «Илиаде» это битва греков под Троей, в «Песни о Роланде» — сражение армии Карла с сарацинами, в «Песни о моем Сиде» — испанцев с маврами, в сербском эпосе — война сербов и турок, в «Манасе» — поход киргизов против Китая и т. д. Такого же рода великая битва (правда, с фантастической окраской, как это нередко тоже свойственно эпической поэзии) составляет кульминацию содержания «Рамаяны» и пространно описывается в ее самой большой шестой книге. А в «Махабхарате» рассказ о битве занимает шесть центральных книг эпоса (из общего числа восемнадцати), и, согласно самой поэме, толчком к ее исполнению послужил вопрос именно о битве, заданный мудрецу Вьясе царем Джанамеджайей:

Как возникла распря между мужьями, чьи дела нетленны?
И как произошла великая битва, гибельная для стольких существ?¹

Изображение битвы в «Махабхарате» и «Рамаяне» распадается на цепь поединков, в которых герои стараются выказать все свое мужество, ловкость, презрение к опасности. Но даже

¹ Здесь и далее цитаты из «Махабхараты» и «Рамаяны» приводятся в переводе автора статьи.